

MENSUEL
250 fr.

CAHIERS PERIODIQUES
(84e cahier, Décembre 1958)

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

Литературно-политическія
тетради

ТЕТРАДЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ
Декабрь 1958 года

Антон Павлович Чехов.

PARIS

73. av. des Champs-Élysées, (VIIIe)
Tél.: ELYsées 06-03

Послѣднія минуты Чехова

ПРИСТУПАЯ к изложенію моихъ воспоминаній, связанныхъ со смертію Чехова, хочу сказать, что, по волѣ судьбы, я являюсь единственнымъ свидѣтелемъ его кончины. Кромѣ меня и жены покойнаго писателя, Ольги Леонардовны, знаменитой артистки Московскаго Художественнаго Театра, а также присутствовавшего при смерти Чехова, нѣмецкаго врача д-ра Шверера, теперь скончавшагося, другихъ свидѣтелей при этомъ тяжеломъ и грустномъ событіи не было.

И я чувствую, какъ бы нѣкое обязательство: подѣлиться этими воспоминаніями со своими соотечественниками, да и со всѣми тѣми, кому дорога память о нашемъ талантливомъ писателѣ, которые любятъ его и цѣнятъ его и его творчество.

Антонъ Павловичъ Чеховъ скончался, какъ извѣстно, 2/15 июля 1904 года, въ Баденвейлерѣ, маленькомъ лѣтнемъ курортѣ Шварцвальда, на югѣ Германіи.

Туда попалъ и я вмѣстѣ съ моимъ братомъ — совершенно случайно и неожиданно. Въ ту пору мы оба были студентами Московскаго университета. Окончивъ въ концѣ мая наши экзамены и благополучно перейдя на слѣдующіе курсы, мы, по настоянію матери, которая очень заботилась о нашемъ общемъ образованіи, направлялись въ Швейцарію въ Нейштательскій университетъ, чтобы въ теченіе лѣтняго семестра прослушать тамъ курсъ французской литературы.

Но доѣхавъ до Берлина, братъ мой захворалъ и вызванный нѣмецкій врачъ опредѣлилъ у него сильное общее переутомленіе и посоветовалъ ему, а также и мнѣ, не продолжать нашего лѣтняго ученія въ Швейцаріи, а воспользоваться каникулами и хорошенько отдохнуть и набраться силъ для будущаго зимняго учебнаго сезона въ Москвѣ. Докторъ совѣтовалъ отправиться изъ Берлина въ Баденвейлеръ, въ сосновый Шварцвальдъ, въ распоряженіе того самаго доктора Шверера, который въ то время также пользовалъ Чехова.

Приѣхавъ въ Баденвейлеръ, мы совершенно случайно остановились въ отелѣ Зоммеръ, въ которомъ тогда проживали Чеховы.

Уѣжая изъ Москвы, мы знали, какъ и многіе другіе, что Антонъ Павловичъ съ Ольгой Леонардовной уѣхали за границу, но куда уѣхали — мы не знали, поэтому, встрѣтившись на слѣдующее утро нашего пріѣзда въ столовой съ Ольгой Леонардовной (Антонъ Павловичъ къ утреннему кофе вознз не сходилъ), мы были приятно удивлены, узнавъ, что Чеховы находятся здѣсь и проживаютъ въ томъ же самомъ отелѣ, что и мы.

Поговоривъ съ Ольгой Леонардовной и сообщивъ ей послѣднія московскія новости, мы расстались съ ней, получивъ отъ нея приглашеніе заходить къ нимъ и навѣщать Антона Павловича, очень скучавшаго за границей по Россіи и по русскимъ людямъ.

Нужно сказать, что Ольгу Леонардовну, равно как и всю семью Книппер, мы знали, по Москвѣ, очень хорошо, а к Художественному Театру мы стояли довольно близко, благодаря нашей большой дружбѣ с семьей Алексѣевых, к которой принадлежал и Константин Сергѣевич Алексѣев — по сценѣ Станиславскій.

Помню, как лѣтом мы часто прїѣзжали верхами в Любимовку, в подмосковное помѣстьѣ Алексѣевых, как проводили там время,

иногда живя недѣлями с нашими сверстниками, племянниками Станиславскаго, как встрѣчали там Антона Павловича, проживавшаго лѣто 1902 года в старом Алексѣевском домѣ и часто видѣли его, уходящаго в шляпѣ, с палочкой в рукѣ и с неизмѣнным пенсне на носу в близ лежащую березовую рошу.

Вишневскій, артист Московскаго Художественнаго Театра, останавливал нас, молодежь, когда мы очень осаждали Чехова, говоря: «Вы беспокоите Антона Павловича, он пошел вынашивать новую свою пьесу для нашего театра!» Эта пьеса была — его послѣдняя, — «Вишневый Сад», поставленная с таким громадным успѣхом в Художественном Театрѣ в январѣ мѣсяцѣ 1904 года. По окончаніи перваго спектакля, театр чествовал Чехова, а весной, послѣ закрытія театра на лѣто, Антон Павлович с женой уѣхали за границу в Баденвейлер «подлѣчиться», откуда, однако, ему уже не суждено было вернуться живым на родину.

Вспоминая теперь это далекое прошлое, мнѣ ясно рисуется в памяти маленькій, привѣтливый Баденвейлер, расположенный на мягких холмах Шварцвальда и отель Зоммер, выходящій своим фасадом на прекрасный баденвейлерскій парк.

Помню, лѣто 1904 года было солнечное и очень жаркое, во всем чувствовались довольство, покой и радость.

Антон Павлович, до нашего прїѣзда прожил в Баденвейлерѣ недолго, но судя по виѣшнему виду, как будто очень поправился и,

Чехов с собакой Хинной.

Фотогр. 1897 г.

как мнѣ говорил впоследствии в Москвѣ Вишневецкій, которому Чехов писал из Баденвейлера на Кавказ, увѣряя его: — «что здоровье в него входит пудами».

Но это оздоровленіе было кажущееся, на самом дѣлѣ процесс его болѣзни шел своим путем. Когда на слѣдующій день своего пріѣзда я зашел навѣдаться к Антону Павловичу, меня поразила разница между этим кажущимся оздоровленіем, и изможденностью всей его фигуры. Хотя цвѣтъ его лица был очень хорошій, и сильно загорѣлый.

Сидя и говоря с ним, я замѣтил, что он часто очень кашлял и отплевывал мокроту в небольшую синюю, закрывающуюся наглухо, плевательницу, которую он носил с собой в карманѣ своего пиджака. Эта разумная предосторожность, которую Антон Павлович принимал в отношеніи других, послужила, между прочим, тому, что дирекція перваго отеля, в котором Чеховы остановились, пріѣхав в Баденвейлер, сочла нужным в гостепрѣимствѣ им отказать, считая, что присутствіе в их гостиницѣ такого тяжелаго больного может разогнать многих, к ним пріѣхавших гостей.

Переѣхав послѣ этого в отель Зоммер, Чеховы заняли комнату выходящую на главную улицу Баденвейлера, довольно шумную и безпокойную. Антон Павлович в ней нервничал и хотѣлъ обязательно из нея переѣхать. Но сезон был в полном разгарѣ и приходилось ждать пока освободится болѣе удобная и покойная комната. Наконец случай представился — освободилась большая, чудная комната с балконом и с видом на тѣмный баденвейлерскій парк. В нее Чеховы и переѣхали.

Помню радость Антона Павловича, когда я пришел к нему в эту новую комнату. Он сразу как-то успокоился и повеселѣлъ.

Уже послѣ смерти Чехова, вспоминая с Ольгой Леонардовной все недавно случившееся, она мнѣ говорила: — «Помните, как Антон торопил меня перевести его в другую комнату, помните как он нервничал, как будто человек перед смертью спѣшит найти свое послѣднее земное пристанище»...

Приходил я к Антону Павловичу почти ежедневно, приносил ему русскія газеты, зачастую прочитывая их ему вслух. Он страшно интересовался всѣми событіями на Дальнем Востоку. Война с Японіей его волновала, а наши неудачи на фронтѣ его глубоко огорчали и он болѣлъ за них душой.

Казалось тогда, — ничто не предвѣщает близкую развязку: он дѣлал планы на будущее, рѣшил возвращаться в Крым, к себѣ в Ялту, пароходом из Неаполя. Он просил даже Ольгу Леонардовну поѣхать в ближайшій город Фрейбург и заказать ему для этой поѣздки и Крыма два фланелевых костюма — один бѣлый в синюю полоску, другой синій в бѣлую полоску. Ольга Леонардовна рѣшила поѣхать во Фрейбург и предложила мнѣ ее сопровождать.

Итак, в одно прекрасное утро мы отправились в путь-дорогу, захватив с собой старый костюм Антона Павловича для мѣрки портному. Доѣхав до Фрейбурга и заказав оба костюма, мы рѣшили воспользоваться чудным днем и осмотрѣть этот старый нѣмецкій город и его окрестности.

Вернулись домой, мы около шести часов вечера и застали Антона Павловича мирно прогуливающимся в обществе моего брата по саду нашего отеля. В саду сидела большая компания нѣмцев, очень шумных, потных, пьющих безконечное количество пива. Антон Павлович, видя нас возвращающимися веселыми и радостными, повстрѣчавшись с нами и глядя на меня через свое пенсне, сказал: — «Вы, поди, весь день за моей женой ухаживали», чѣм поверг меня в большое смущеніе. А затѣм, не дожидаясь моего отвѣта, обратился к Ольгѣ Леонардовнѣ: — «А мнѣ, дуся, все время казалось, что эти нѣмцы в концѣ концов меня поколотят».

В этот вечер никто из нас не мог думать, что через нѣсколькo дней Антон Павлович будет в гробу и что отправят его в дальній

Чеховъ с женой О. Л. Чеховой-Книшпер 1902 г.

и послѣдній путь в Москву. Уже послѣ смерти Антона Павловича, когда я говорил о нем с доктором Шверером, послѣдній сказал мнѣ, что Чехов был очень тяжело болен, и что он удивлялся легкомыслию врачей, посоветовавших ему в таком тяжелом состояніи здоровья покинуть Россію и отправиться в такое далекое и утомительное путешествіе за границу.

Нѣсколько слов об этом нѣмецком врачѣ, на руках котораго скончался Антон Павлович. Доктор Шверер был сравнительно молодой, красивый и пріятный в обращеніи человек. Его лицо показывало, что в свои студенческіе годы он принадлежал к одной из студенческих корпорацій: слѣды дуэльных порѣзов остались знаками на его шеѣ. Так как он лѣчил также моего брата, то я имѣл возможность присмотрѣться к нему и убѣдиться, что он серьезный и знающій врач. Примѣчательно то, что он был женат на русской, на нашей москвичкѣ Елизаветѣ Васильевнѣ Живаго. Но удивительнѣе было то, что большой друг д-ра Шверера, другой нѣмецкій врач, практиковавшій в недалеком от Банденвейлера курортѣ, д-р Детер-

ман, впоследствии профессор, был также женат на русской, на сестрѣ Елизаветы Васильевны Живаго. Эти два нѣмецких врача, благодаря своим русским женам, часто наѣзжали в Москву, любили все русское и особенно увлекались, будучи в Россіи зимой, медвѣжьей охотой. О д-рѣ Шверерѣ и профессорѣ Детерманѣ, с которым я познакомился позднѣе, я сохранил самыя лучшія воспоминанія.

В ночь на 2/15 іюля, мы с братом спали крѣпким сном, вернувшись поздно вечером послѣ большой экскурсіи по горам. Сквозь сон я вдруг услышал сильный стук в дверь и голос Ольги Леонардовны, которая звала меня. Вскочив с кровати и подбѣжав к двери, я увидѣл ея взволнованное лицо. Она была в капотѣ.

— Очень прошу вас, голубчик, одѣться поскорѣе и сбѣгать за доктором, — Антону плохо.

Я сейчас же наскоро одѣлся и побѣжал к доктору, который жил в минутах 10 ходьбы от гостиницы.

Ночь была теплая, мягкая, в домѣ у доктора всѣ спали с открытыми окнами. Доктор, услышав звонок у калитки из своей спальни, спросил: — «Кто там?» Я ему прокричал, что побѣжал по порученію «фрау Чехов», и что мужу ея плохо. Доктор сейчас же зажег свѣтъ в своей комнатѣ, подошел к окну и сказал мнѣ, что будет через нѣсколько минут в гостиницѣ и просил меня по дорогѣ в отель взять в аптекѣ сосуд с кислородом. Я от доктора побѣжал к аптекарю, разбудил и его и получил от него требуемый кислород. Когда я вернулся в отель, доктор был уже в комнатѣ Антона Павловича. Я вошел в нее и передал ему кислород. Антон Павлович сидѣлъ на постели, подпертый подушками и поддерживаемый Ольгой Леонардовной; он тяжело, с трудом дышал. Доктор стал давать ему кислород. Через нѣсколько минут доктор шепнул мнѣ спуститься вниз к швейцару и принести бутылку шампанскаго и бокал. Я снова исчез и вернулся через нѣкоторое время с бутылкой шампанскаго. Доктор налил почти полный бокал и дал его Антону Павловичу выпить. Антон Павлович с радостью взял бокал шампанскаго, улыбнулся своей милой улыбкой и сказал: — «Давно я не пил шампанскаго», и молодецки опорожнил бокал. Доктор принял от него пустой бокал, передал его мнѣ, я поставил его на стол, рядом с бутылкой.

В тот самый момент, когда я ставил на стол бокал, повернувшись спиной к Антону Павловичу, послышался какой-то странный звук, исходящій из его горла, что-то похожее, что происходит в водяном кранѣ, когда в него попадает воздух, — заклокотало что-то. Когда я повернулся, я увидѣл, что Антон Павлович, поддерживаемый Ольгой Леонардовной, перелег на-бок и тихонько опускается на свои подушки. Мнѣ показалось, что ему захотѣлось прилечь послѣ тяжелаго приступа дыханія.

В комнатѣ было тихо, никто не говорил, а притемненный свѣтъ лампы придавал обстановкѣ жуткое впечатлѣніе. Доктор не отходил от Антона Павловича и молча держал его за руку. Мнѣ не приходило в голову, что он слѣдит все время за пульсом. Прошло нѣсколько минут полнаго молчанія и мнѣ казалось (я был так далек

от мысли возможной смерти Чехова), что теперь все, слава Богу, успокоилось и пережитыя волненія уже являются дѣлом прошлаго.

В это время доктор тихо опустил руку Антона Павловича, отошел от него, приблизился ко мнѣ (я стоял в ногах кровати), отвел меня вглубь комнаты и вполголоса сказал:

— «Все кончено. Г-н Чехов скончался, будьте добры сказать об этом г-жѣ Чеховой»...

Я был поражен и мог только вымолвить:

— «Неужели эта так, г. доктор?...»

— «К сожалѣнію, да», отвѣтил он, сам видимо превозмогая свое волненіе и глубоко переживая происшедшее.

Весь наш этот разговор велся полупшепотом. Ольга Леонардовна на нас не обращала вниманія и продолжала лежать поперек своей кровати, все еще поддерживая Антона Павловича, не догадываясь, что все уже кончено. Я тихонько подошел к ней, тронул ее за плечо и сдѣлал знак, чтобы она поднялась. Она осторожно освободила свои руки из-под спины Антона Павловича, поднялась и подошла ко мнѣ. Я, с трудом удерживая свои внутреннія переживанія, полупшепотом сказал ей: — «Ольга Леонардовна, голубушка моя, доктор сказал, что Антон Павлович скончался»...

Бѣдная Ольга Леонардовна в первую минуту как бы окаменѣла, таким страшным и неожиданным оказался удар, а затѣм, в каком-то изступленіи набросилась на доктора, схватила его за воротник пиджака, начала его трясти что есть сил и, сквозь слезы, повторяла по-нѣмецки:

— «Доктор, это неправда, доктор скажите, что это неправда!..»

С большим трудом нам с доктором удалось мало-помалу ее успокоить и привести в себя. Доктор оставался еще какое-то время в комнатѣ, затѣм, уходя и сознавая как Ольга Леонардовна тяжело принимает смерть своего мужа, просил меня убрать со стола всѣ острые вещи, как ножи и другія, и не оставлять ее одну, а побыть с ней вмѣстѣ до утра. Рано утром он обѣщал вернуться со своей женой и увезти Ольгу Леонардовну к себѣ домой, пока покойник не будет вымыт и одѣт.

Я должен сказать, что смерть Антона Павловича произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Я был тогда очень молод, и в эти годы такія событія запечатлѣваются очень сильно, — на всю жизнь. Много сильнѣе, чѣм позднѣе в жизни. Это была первая смерть, при которой я присутствовал и которую я очень переживал и оплакивал. Нужно было повернуть тѣло, лежащаго на боку Антона Павловича, на спину. Я этого не сдѣлал и нам утром с доктором стоило больших усилій выпрямить застывшее в неправильном положеніи тѣло. Это нам удалось не совсѣм, так как голова покойнаго все же оставалась чуть склоненной набок.

Позднѣе, в теченіе дня, мы с братом сдѣлали фотографическіе снимки с покойнаго, лежащаго на постели в своей комнатѣ, которые потом появились на страницах всей русской печати, и я помню, что слегка склоненная набок голова покойнаго, вызывала недоумѣніе у многих.

С уходом доктора я уговорил Ольгу-Леонардовну выйти и

сѣсть на балкон. Я вынес из комнаты два кресла. Мы сѣли. Ночь была теплая, пріятная. Заря уже сильно занялась, птички начали перекликаться в паркѣ. Надвигался чудный разсвѣтъ, затѣм наступило раннее утро.

Мы сидѣли молча, потрясенные происшедшим, иногда только перебрасывались своими недавними воспоминаніями об Антонѣ Павловичѣ. Ольга Леонардовна вдруг замѣтила: — «А вѣдь знаете, Левушка, мы с вами Антону не костюмы, а саваны заказывали».

Рано утром пришли доктор с женой, чтобы увезти к себѣ Ольгу Леонардовну. С трудом удалось настоять, чтобы она покинула комнату покойнаго. Я обѣщал ей присмотрѣть за всѣм и придти за ней, когда все будет кончено.

Примѣрно около пяти часов вечера я пришел к доктору за Ольгой Леонардовной и мы вмѣстѣ пошли в отель.

Мы вошли в комнату покойнаго. Вечерній солнечный свѣтъ едва проникал в нее через спущенные на окнах и балконной двери жалюзи.

Покойный лежал на постели, уже обложенный цвѣтами, со скрещенными руками на груди и с выраженіем полнаго покоя на лицѣ. Я оставил Ольгу Леонардовну одну проститься с Антоном Павловичем. Она вышла из комнаты покойнаго поздно вечером, вся как-то просвѣтленная и успокоенная. Я проводил ее снова к доктору, гдѣ она должна была остаться на эту ночь.

Весь день 2/15 іюля я провел в бѣготнѣ и хлопотах. По просьбѣ Ольги Леонардовны я послал цѣлый ряд телеграмм о кончинѣ Антона Павловича: — семьѣ Чехова в Ялту, золовкѣ Ольги Леонардовны, Еленѣ Ивановнѣ Книппер в Дрезден, Станиславскому, Вишневскому, Горькому, в Художественный Театр, в редакцію «Русских Вѣдомостей» и других русских газет в Москву, а также берлинскому корреспонденту «Русских Вѣдомостей» Г. Б. Юллосу, в Берлин. От него из Берлина и от Елены Ивановны из Дрездена были получены отвѣтныя телеграммы, что они выѣзжают в Баденвейлер и будут там на слѣдующее утро.

В ночь на 3/16 іюля тѣло Антона Павловича должно было быть перенесено из гостиницы в мѣстную маленькую часовню, причем это должно было произойти поздно ночью, когда всѣ в отель уже спят.

Ночной швейцар пришел извѣстить нас с братом, что носильщики пришли. Мы вошли в комнату Антона Павловича. При нас эти люди внесли, вмѣсто обычных носилок, большую, длинную бѣльевую корзину. Я помню как брата и меня этот способ перенесенія покойнаго глубоко оскорбил. Мы безмолвно должны были смотрѣть, как останки нашего любимаго русскаго писателя переносятся в бѣльевой корзину.

Переносчики бережно подняли тѣло и стали укладывать его в корзину, но к удивленію длина этой корзины все же не оказалась достаточна, чтобы тѣло могло лечь вполнѣ горизонтально и пришлось его пристроить в полу-лежащем положеніи.

Наблюдая за переносчиками, укладывавшими тѣло покойнаго, мнѣ одну минуту показалось, что я вижу на лицѣ Антона Павлови-

ча едва замѣтную усмѣшку и мнѣ стало чудиться, что он ухмыляется тому, что судьба и на этот раз не могла разлучить его с юмором, устроив перенос его тѣла не по обычному, а в бѣльевоѣ корзинѣ. Мы вынесли корзину с тѣлом Антона Павловича на улицу. Ночь была темная. Переносчики стали двигаться по дорогѣ к часовнѣ. Путь освѣщали два идущіе по бокам факельщика. Придя в часовню мы с братом уложили тѣло Антона Павловича на мѣсто, уготовленное для покойников, обложили его цвѣтами и молитвенно простившись с ним, пошли домой.

Насколько помню, позже, Ольга Леонардовна уже в Москвѣ рассказывала мнѣ, что судьба еще в послѣдній раз посмѣялась чеховским смѣхом, когда, при перенесеніи гроба покойнаго на пограничной станціи, из нѣмецкаго вагона в русскій, на этом вагонѣ оказалась надпись: «Для устриц».

На слѣдующійа день 3/16 іюля прибыли утром в Баденвейлер Елена Ивановна из Дрездена и Г. Б. Јоллос, из Берлина. День, как и всѣ дни, был очень жаркій и душный. Встрѣча Ольги Леонардовны с Еленой Ивановной, со своим близким человѣком носила тяжелый, и трогательный характер.

В теченіе дня Ольга Леонардовна дала пріѣхавшему Г. Б. Јоллосу всѣ подробности послѣдних дней и часов жизни Антона Павловича для сообщенія этих свѣдѣній в русской печати, а также передала ему фотографическіе снимки с покойнаго.

В этот же вечер мы всѣ отправились в часовню, чтобы помолиться и проститься с покойным.

Через нѣсколько дней мы провожали гроб Антона Павловича из Баденвейлера на станцію желѣзной дороги. Вагон с гробом был прищѣплен к пассажирскому поѣзду, отходящему в Берлин и с этим поѣздом, провожая покойнаго, отбыли в Россію Ольга Леонардовна и Елена Ивановна, чтобы предать Антона Павловича землѣ в родной Москвѣ, в Новодѣвичьем Монастырѣ.

Л. Л. Рабенек.

ПРИМѢЧАНІЕ

1. Всѣ разговоры с Др. Шверером велись Ольгой Леонардовной и мною, конечно, по-нѣмецки. Выше приведены по-русски. Прилагаю к ним нѣмецкіе тексты:

Доктор услышал звонок у калитки из своей спальни, закричал: «Кто там?» «Wer da?»

«Все кончено, Г-н Чехов скончался, будьте добры сказать об этом Г-жѣ Чеховой!» «Alles ist zu Ende, Herr Tschechhoff ist gestorben, wollen Sie bitte das der Frau Tschechhoff mitteilen!»

«Неужели это так? Доктор?» «Ist das wahr Herr Doktor?»

Еще дальше тот же 3-ій абзац. «К сожалѣнію, да!» «Leider Ja!»

«Доктор, это неправда, доктор скажите, что это неправда!» «Doktor es ist nicht wahr, sagen Sie doch Doktor, dass ist nicht wahr!»

2. В своих воспоминаніях Ольга Леонардовна приводит слова, сказанныя Антоном Павловичем доктору по-нѣмецки: «Ich sterbe!» Я их не слышал и думаю, что Чехов произнес их, когда доктор вошел к нему в комнату. В то время меня еще не было в комнатѣ больнаго, так как я сѣвши к аптекарю за кислородом, пришел к Антону Павловичу через нѣкоторое время послѣ доктора.

Влетѣвшую большую черную ночную бабочку помню очень ясно, только сейчас не смогу сказать влетѣла ли она в комнату до смерти Антона Павловича, или сейчас же послѣ его кончины.

Л. Л. Рабенек